

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА
«ЖАНРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА»

ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЕРИЮ
«ВОЛШЕБНАЯ АКАДЕМИЯ»

Наталья Жильцова, Азалия Еремеева
«Академия магического права.
Брюнетка в законе»

Лица Верх
«Факультет ведьм. Как достать ректора»

Маргарита Гришаева
«Высшая правовая магическая академия.
Оперативные будни»

Катерина Полянская
«Дрянная девчонка в Академии»

Бронислава Вонсович, Тина Лукьянова
«Я ненавижу магические академии»

Карина Демина
«Внучка Берендеева в чародейской академии»

КАРИНА ДЕМИНА

ВНУЧКА БЕРЕНДЕЕВА
В ЧАРОДЕЙСКОЙ
АКАДЕМИИ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д30

Серийное оформление — *Василий Половцев*

Иллюстрация на обложке — *Ирина Круглова*

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Демина, Карина.

Д30 Внучка берендеева в чародейской академии : [роман] / Карина Демина. — Москва : Издательство АСТ, 2015. — 416 с. — (Волшебная академия).

ISBN 978-5-17-093763-9

Что делать, если в родном селе женихов достойных днем с огнем не найти, а замуж хочется? Ответ прост: предстоит Зославе дорога дальняя и дом казенный, сиречь Академия, в коей весь свет царствия Росского собрался. Глядишь, и сыщется серед бояр да людей служивых тот, кто по сердцу придется внучке берендеевой. А коль и нет, то знания всяко лишними не будут, в Барсуках-то родных целительница хорошая надобна. Вот только приведет судьба Зославу не на целительский факультет, а на боевой, что девке вовсе неприлично. Зато женихов вокруг тьма-тьмушая: тут тебе и бояре кровей знатных, и царевич азарский, в полон некогда взятый, и наследник царствия Росского со своими побратимами... выбирай любого. И держись выбора. Глядишь, и вправду сплетет судьба пути-дороженьки, а там и доведет, правда, не ведомо, до свадьбы аль до порога могильного, ибо нет спокойствия в царстве Росском. Смута зреет, собирается гроза над головою царевича и всех, кому случится рядом быть...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-093763-9

© К. Демина, 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2015

ГЛАВА 1,

ГДЕ РЕЧЬ ИДЕТ О НЕОБХОДИМОСТИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЛЯ ПРАВИЛЬНОГО ОБУСТРОЙСТВА ЛИЧНОЙ ЖИЗНИ

— А ждет тебя, милая, дорога дальняя и дом казенный, — бабка отмахнулась от жирной мухи, которая норвила пристроиться на бабкиной морщинистой щеке.

— Чего?

— Того, Зосенька, учиться тебе надобно...

Разговор этот бабка заводила уж не первый раз. И говоря по правде, без особого успеха.

Учиться мне не хотелось. Вот никак... хотелось замуж, и сильно, до того сильно, что аж в груди щемило. А поелику Божиня от щедрот своих грудью меня наделила обильной, то и щемило крепко.

Я отвернулась от бабки, которая нарочно энто гадание затеяла... как же, на женихов... сама опять про свою учебу...

Бабка вздохнула и листы, двойным крестом разложенные, сгребла.

— Зосенька, сама подумай, какие тут женихи...

— Ивашка...

Правда, бегает он за Марьянкою, только родители его этаким невестушке не обрадуются. У Марьянки из приданого — две куры рябые да полкозы, и то с сестрицею поделиться не могут, кому какую половину.

Бабка поджала сухонькие губы:

— Не будет на чужом горе ладу, — сказала строго. — Аль и вправду думаешь, что стерпится — слюбится?

Нет, тут-то она права, про Ивашку, это я не подумавши... ну посватаюсь... матушка его заставит... или батюшка... да только Марьянку свою он, небось, по их велению не разлюбит.

И будет к ней бегать.

А я?

Защемило сильней. А может, не в тоске любовной дело, но просто рубаха тесная? Только вот отступать я не привыкла.

— Тогда Демьян...

— Вдовый.

— И что?

— Трижды вдовый, — с намеком произнесла бабуля.

И вновь права. Нет, Демьян — мужик хороший, и нет его вины в том, что женки его мрут, да только мне-то с того не легче.

Прокляли, небось.

Поговаривают, что будто бы еще дед евоный знахарку местную бросил за-ради мельничихиной дочки, вот та и осерчала... не мельничиха, а знахарка.

Дурень, что и сказать. Кто ж в здоровом-то уме знахарок злит? Говорят, та в лесу на осине повесилася, а перед тем деда Демьянова и весь его род прокляла. Нет, поначалу-то я не верила, но как за три года трех девок схоронили, тут-то народец и припомнил и батюшку Демьянова, который невесту в иных краях сыскал, и что прожила она недолго, и деда его добрым крепким словом помянули.

Нет, не рискну я за Демьяна идти. Да и он боле не пробует свататься. Так и будет в одиночку сына растить, бедолажный...

Муха все же таки села на высокий бабкин лоб, крыльцы сложила, лапки знай трет, довольная такая... к хлопотам, стало быть.

— Степка...

— Маменькин сынок, а с Глуздиною у тебя ладу не будет. Станете жить да гавкаться.

И то верно. Степка — парень славный, да только без маменьки своей он и до ветру не сходит. Она же, к единственному сыночку прикипевшая, только и поучает... трижды всех барсуковских девок перебрала и не нашла той, которая дорогого Степочки достойная.

— Ганька? Тимошка-скороход...

Я перечисляла имя за именем, но впустую. Оно и правда, пусть село наше, Большие Барсуки, и вправду велико, да только парней в нем не так чтобы и много. Девочек всяк больше. И каждой замуж охота, и каждую щемит, гонит бабья тоска, страх перегореть-перелететь юные годы... они ж быстрые. Вчера девка, сегодня — баба, а завтра уже и старуха седая, дитяи да внуками окруженная. Аль одинокая, что старостина сестрица, сухопарая да лядащая, с глазами завистливыми, с языком гадючьим. Слова-то доброго от нее не услышишь. А все почему? Потому как крепко в молодые годы женихов перебирала, вот и не заметила, как безмужнею осталась, бобылкою горькой.

— Ты вот говоришь, что учиться тебе не надо, — бабка подседа поближе. — Да только ж, Зосенька, ты об ином подумай... поступишь в Академию... выучишься, диплому получишь и мантию. Вернешься в Барсуки не знахаркою, а ведьмой царскою!

Бабка подняла заскорузлый палец.

А что, и вправду хорошо звучит... только есть одно обстоятельство, которое мне вовсе не по нраву.

— Так когда ж это будет, бабулечка? Сколько учиться надобно?

— Пять годочков всего.

И глаза хитрые-хитрые, серые, что галка речная, водой до блеску обласканная.

— Всего?!

Да пять годочков — это... это ж, прости Божиня, почти треть моей жизни! Это ж сколько мне будет-то... двадцать один... или нет, двадцать два. Я на свете, ежели разобраться, семнадцать годочков цельных прожила, а за эти годочки так никто и не по-сватался.

В груди заныло так, что я всхлипнула от жалости к себе... нет, невеста я солидная, с приданным немалым, да и собой хороша, только... сторонится наш люд тех, кого Божиня даром наделила.

— Тю, какие это годы, — бабка придвинулась еще ближе, сели локоток к локоточку, как некогда, в детстве моем далеком. Того и гляди, сунет руку под душегрею, вытащит калачик сахарный да сунет с утешением. Мол, не след печалиться в этакий-то день.

Солнышко.

Аль дождь, но он все одно землице нужен, пусть напьется-напитается, наберется сил... и когда бабка говорила так, то я слушала, а обиды, выдуманные, настоящие ли, но уходили.

— Для ведьмы — это и не девичество даже, детство горькое... колдуны, они поболее обыкновенных людей живут.

Ее правда, но... это ж я пока доучусь, всех приличных женихов поразбирают!

Но бабка от моих резонов отмахнулась.

— Ой, и дурища ты, Зоська... вот мы ж с тобою твоих женихов перебрали и никого подходящего не нашли, верно?

Я кивнула.

— Так чего ж о них горевать-то? Оженятся? И пушай себе, а за пять лет новые появятся... — она смахнула-таки муху, которая поднялась с тяжким гудением, небось, недовольная тем, что ее от этакой премудрой беседы отлучили. — А не появятся, то и... ты ж, Зосенька, дальше Бузькова торжища не выезжала.

Ее правда, да только и не тянуло меня странствовать. Хватит, маменька моя настранствовала... дай, Божиня, доброго посмертия ей душеньке.

Бабуля моя, обрадованная тем, что я молчу, слушаю и не перечу, взяла меня под локоток.

— Вот гляди. Акадэмия — она где?

— Где? — послушно переспросила я.

— В столице! — На сей раз бабулин палец с кривым синеватым ногтем уткнулся мне в нос. — А в столице сколько народу?

— Много...

Всяк поболее, нежели в наших Барсуках. Может быть, даже пару тысяч наберется. Я попыталась представить себе столько люду, но не сумела. Отчего-то подумалось, что теснотень должна быть в этой столице. Небось, сидят один у одного на головах.

Жуть.

— Очень много! — со значением произнесла бабка. — А женихов среди них — что рыбы на нересте...

Я призадумалась.

Была в бабкиных словах своя правда. Отчего-то до нынешнего дня я про учебу думала как про пустую трату времени. И так умею все, чего людям местным надобно.

И пацуков выведу, и тараканов.

Банника приструню.

С кудельником договориться сумею, хмарь да хворобу из тела выгоню. Со скотом управлюся, с амбарами... бабка, небось, так учила, что куда там царевым Академиям.

Она же, почуяв во мне слабинку, заговорила сладеньким голобочком, аккурат таким, каким с мельничихой беседу вела, которая про меня трепалась, что будто бы я ея сыночка ненаглядного на сеновале за какой-то надобностью сманила и что вернулся он с того сеновала мятый-премятый и уставший. Оно-то правда, утомился он быстро, хоть и здоровьем его Божиня не обделила. Только куда человеку супротив одержимца? Я ж мельничихе про то говорила... и сынок ейный хороший парень, жаль, что в позатом годе оженился... а мельничиха про женку будто и позабыла, знай языком себе мелет-мелет...

Интерес у нее.

С того интереса да со сладкой бабкиной беседы и выскочил на языке чирь чирьем. Мельничиха потом неделю не то что говорить — есть не могла. Схудала, сошла с тела да повинилась: не меня она оговаривала, невестку воспитывала, которая сыночком ее дорогим помыкает больно, хотела дурной девке показать, что жена — не стена, ее и подвинуть можно.

Но та история — давняя...

— И женихи тамошние — не чета нашим... там и купцы тебе, солидные люди... и служивые, ежель более по нраву. И мастера всякие. А то и боярина какого прихватишь...

Я мотнула головой: это бабка уже лишкухватила.

— А что? — Серые глаза ее блестели молодо, ярко. — Ты ж у нас и сама не из простых... да при даре... да при грамотке царевой... такой жене каждый рад будет!

В общем, уговорила она меня.

Нет, я по-прежнему полагала, что пользы от этой самой Академии мне не будет, но и вреда, авось, не приключится. А там, буде Божиня ласкова, я и вправду счастье свое справлю.

На том и порешили.

Отъезжала я на десятый день, с обозом. И купец Панкрат, мужчина видный, в теле и с животом, каковой есть вящее свидетельство женой об муже заботы, весьма тому порадовался.

Он мне и местечко на своей телеге обустроил. Соломки свежей положил, дерюжкой накрыл, бабка пыталась сунуть подушки, да только я отказалась: куда мне в столицы да с подушками?

— Хорошие! — Бабка оскорбленно поджала губы. — Гусиным пухом набитые!

А то я не знаю! Сама тех гусей щипала, сама и сыпки шила, и с пухом мешала сон-траву, истертую в порошок, чтоб на подушках этих спалось легче.

Только вот огромные оне.

— А на кого ж ты меня покидаешь.. — Бабка вспомнила, что на нее люди смотрят — провожать меня вышли всем селом, старуха Микитишна, месяц лежмя лежавшая, и та поднялася — подушки сунула старосте, который принял их с поклоном да сестрице передал.

— И чего ей нейметя? — Та скривилась. — Попортят девку. В столице той одни охальники..

— Такую попорти.. — буркнул Михей, который в прошлом годе, захмелевши крепко на Весенний день, с поцелуями ко мне полез.

А я что?

Рука у меня крепкая, дедова..

— Ай деточка.. ай кровиночка.. — Бабка раскачивалась, при том успевая перебрать в который раз нехитрые мои пожитки. — Кошелек при себе держи, подвяжи к ноге тесемочкой.

— Уже подвязала.

— А грошиков отсыпь в зарукавники.. уезжаешь в край далекий.. — выла она знатно, протяжно, даром мою бабку на все похороны зовут. Она одним голосом любого разжалобит. И староста шмыгнул длинным красным носом. — Кто ж за мною-то, старую, глядеть будет..

Заблестели глаза и у старостихи, она мяла расшитый фартук да покачивалась, готовая по старой привычке подхватить жалобную песню. Поникли мои подруженьки, которые за-ради этакого поводу принарядились, Маришка и та в косы новую ленту вплела. Небось, Ивашкин подарок.

— Ой, ноженьки мои не ходю-ю-т, — продолжала голосить бабуля. — Кошель с документами на шею повесь..

— Повесила.

— Ой, рученьки мои не держат.. Зося тебе там пирожков за-вернула с капусточкой и грибочками.. ой, глаза-ы-ньки мои не видят.. гляди, у торговок не бери, вечно они порченное сунуть норовят. Потом будешь всю дорогу животом маяться.

— Ба!

— Молчи и слушай старших. Ой, ушеньки мои не слы-ы-шат..

— Бабуль, ты ж меня вроде провожаешь, а не хоронишь..

— Да? — Она смахнула платком крупную слезу. — А хорошо ж идет.. ай, остануся одна.. сирота-сиротинушка..

Девки подвывали.

Лузгали семки.

И глазами стреляли, подмечая, что у кого нового объявилось. Вон, Тришка душегрею нацепила хорошую, плюшеву.. небось, ма-

менька для таких проводов не пожалела. А у Славки на шее монисты висят. И серьги крученые в ушах покачиваются, которых я прежде не видела. У меня таких нету... ничего, я себе в столице, небось, и покраше найду.

— Ай, буду век вековать... горе-горевать... летит моя лебедушка, крылья расправила... да вьются по-над нею ястребы сизые... ястребы сизые, с когтями острыми... закогтят мою лебедушку... закроют белокрылую...

— Бабуль, я ж и остаться могу.

Сухонький кулачок уперся в мой нос.

— Гляди там, Зоська... не балуй, а то ты ж меня знаешь!

Панкрат, взопершись на воз, свистнул, хлопнул кнутом... тронулись, стало быть.

— Ай, одна ты у меня оставалась... ай, как мне тепериче жить...

Бабку уже обступали сельчане, и старостина сестрица сунула ей подушки, которые бабка обняла, потому как добром своим не привыкла разбрасываться. Подушки она прижала к животу, не прекращая причитать. Это уже потом, когда телега за пригорочком скроется, бабка замолчит да пригласит сельчан к столу, чтоб, значит, проводили честь по чести покойницу...

ТЬфу ты... студентку.

Будущую.

Я же подперла кулаком подбородок, поерзала на соломе, устраиваясь поудобней, и принялась мечтать, как приеду в столицу...

ГЛАВА 2

ДОРОЖНАЯ, В КОТОРОЙ СЛУЧАЮТСЯ НОВЫЕ ЗНАКОМСТВА И ДОБРЫЕ СОВЕТЫ

До столицы я ехала три седмицы. Сперва-то обозом, на Панкратовой телеге, которая пробиралась от деревеньки к деревеньке, постепенно заполняясь нехитрым товаром.

В Медунницах взяли меду в липовых аккуратеньких баклажках.

В Сивцах — вяленой рыбы да полотна узорчатого, которое тамошние мастерицы ткут хитро, что на обе стороны узор выходит. Я опосля Сивцов целый день все полотно мяла, разглядывала, силясь понять, как оно у них вышло, но не докумекала. И спрашивать бессмысленно, не расскажут. Оно и верно, кто ж в здравом-то уме этакою тайной поделится? Брал Панкрат и горшки глиняные, и лисьи шкурки, рога олени, про которые сказал, будто бы различные лекари из них порошок делают от мужской слабости. Вот смех...

Как бы то ни было, но вскорости на телеге места почти и не осталось. А там и на тракт вышли, широченный, желтым камнем вымощенный. А по нему люд, что пеший, что конный, что с телегами, как и мы... тут-то и выяснилось, что до столицы Панкрат не едет, а надобно мне на постоялом дворе в возок почтовый проситься. Оно хоть и дорого выйдет, зато и быстро.

Панкрат сам энтот возок и сыскал. Хороший он мужик, и бабку мою крепко уважает.

— Езжай, Зосюшка, — меня расцеловал в обе щеки. — Езжай и покажи там, в столицах, где раки зимуют...

Носом шмыгнул от избытка чувств.

И я едва не расплакалась: все ж таки последний знакомый человек... кто знает, как оно там, на чужбине сложится. Впрочем, горела я недолго. Долго не умела.

Почтовый возок оказался мелким, что коробка мышиная, и тесным. Лавки внутри стояли узенькие, твердые, выглаженные до блеску. И главное, что на лавку эту мне одной как уместиться, но в карету четыре человека влезло.

— Потеснись, девка, — велел парень болезного виду. Бледненький, тощенький, зато при сабле да в камзоле. Камзол вот, в отличие от парня, мне глянулся. Сукно дорогое, густого зеленого колеру, да с золотым шитьем. Ружи, значит, по подолу, а на грудях — птички чудные, с короткими крылами да хвостами длинными. А главное, что шитье это хитрое, я такого не видела... хотела пощупать тайком, да парень скривился.

— Убери руки, холопка!

Я и убрала. Мне чужого не надобно.

Хотела сказать, что не холопка вовсе, но вольная от рождения, и матушка моя вольною была, и дед, да смолчала.

— Понаберут всяких... — парень нос задрал и к окошку отвернулся.

Напротив нас устроился сухонький старичок с обильною лысиной и тетка в годах. Стоило карете стронуться, как она достала подушечку пухлявую да сунула к стеночке, прислонилась и уснула. Как же я ей позавидовала, а часу не прошло, как с сердешною тоской вспомнились бабкины пуховые подушки... вот бы хоть одну...

Возок, четвериком запряженный, летел.

Трясся.

Скрипел и не разваливался, видимо, чудом да моими молитвами. А молилась я истово, как никогда-то прежде... кажется, даже вслух. Точно вслух, потому как парень, до того глядевший в окошко — как будто бы на этакоей скорости разглядеть чего можно, — процедил сквозь зубы:

— Заткнись уже.

И зыркнул на меня этак недобро. Тут-то я и решила, что и вправду хватит... ежель возок до этого дня не рассыпался от подобной езды, то и нынешнюю дорогу как-нибудь выдержит.

Смиривши дрожь в коленях, я повернулась к спутнику.

От, хоть и видно, что боярского роду, да все одно без жалости на такого и не взглянешь.

Недокормленный какой. Вон как щеки запали. Нос крючкова-тый торчит. Губы ниточкой. И подбородок востренький, упрямый, а на нем бороденка курчавится, да реденькая.

— Репейным маслом натирай, — сказала я, в бороденку мизинчиком ткнув. Папенька мой, будь Божиня к нему милосердна, помнится, учил меня, что просто пальцем в живого человека тыкать — это неманерно. А ежели мизинчиком, то очень даже красиво выходит.

Правда, молодец сего жесту не оценил. Он поерзал, верно, будь лавка поширше, отодвинулся б. Вот олух. Я ж ему от чистого сердца советую! У нас вон девки все опосля бани с репейным маслом волосы чешут, чтоб гуще росли и блеску прибавляли, а после отваром из дубовой коры да березовых листьев споласкивают.

— Главное, тепленькое возьми. На паровой баньке нагрей, но не чтоб кипело. Как закипит, то разом всю пользу поутратит, — я говорила тихо, вполголоса, дабы не потревожить спящую женщину. Хотя та спала крепко, вон, похрапывала даже.

Парень зубы стиснул так, что ажно заскрипели.

Ох ты ж, бедолажный...

— А это у тебя от глистов...

— Нет у меня глистов! — сдавленно произнес он и обеими руками за саблечку ухватился. Сам-то невелик росточком, и оружие такова ж. Не оружия — смех один... этакою саблей только курей и гонять. Вот, помню, тяткину... тяжеленная, с меня, малую, высоту будет.

Да при эфесе узорчатом.

На стали клеймо, и на пятке эфесу камень гербовый. Красивая была, жаль, что сгнула вместе с тяткой. Вспомнилось, и разом такая тяжесть на плечи навалилась, что хоть волком вой.

И десять годков уж минуло, а все не успокоится сердце.

— Есть. — Я заставила себя думать не о своих бедах, но о благе ближнего, который, как и многие ближние до сего дня, блага своего осознавать не желал. — Зубами ты скрипишь. А энтó — первый признак глистов!

На впалых щеках вспыхнули багряные пятна.

— Замолчи!

— Да чего ж молчать? Нету в глистах срама... у каждого случиться могут. Гонять их надобно... вон, погляди на себя, какой ты...

— К-какой?

Волнуется.

Аж заикаться стал от волнения, и пятна уже не только на щеках. И на шее, и на лбу. Уши и вовсе пунцовыми сделались.

— Худенький, — жалостливо сказала я. — Это из-за глистов... вот они обжились у тебя внутри.

Я ткнула мизинчиком во впалый живот.

— И жрать.

— К-кого?

— Так еду твою жрут. Вот ты, скажем, пирожка съел там... аль яблочко... аль еще чего. Да только ты не себя накормил, а глистов.

Парень замолчал, верно, задумавшись над сказанным. А и права бабка моя, что главное в беседе с человеком — верное слово найти. И я, вдохновленная таким своим успехом, продолжила:

— И жиреют они с того корму. А ты худеешь.

— Я... не худой. — Он произнес это сдавленным шепотом. — Я изящный. В кости.

— Бывает и такое... когда с малых лет глистов не гоняют, тогда и кость не растет, — согласилась я, заметив, что к нашей беседе и дедок прислушивается, причем с немалым интересом. Вот сразу видно человека пожившего, опытного.

— Ты... ты...

— Помочь тебе хочу. — Я улыбнулась, потому как улыбка — она к душе чужой дорогу мостит. Про то наш жрец сказывал, а ему я верила, почти как бабке. — Ты, главное, не откладывай, а то оно может по-всяк повернуться. Вот у нашего старосты хряк был. Здоровущий такой хряк. И вот он вдруг тощать начал... не ест ничего, только лежит и вздыхает. И что ты думаешь? Едва не помер! А бабка моя как глянула, так сразу и сказала, что из-за глистов все. Ему черви кишки забили... как мы тех червей гоняли...

— Спасибо. Обойдусь без подробностей. — Парень прикрыл рот ладонью.

Оно и верно.

Мы цельный котел глистогонного зелья сварили. А уж как тому хряку в пасть лили... он-то, хоть и ослабевший, а всяк сильнее человека. И скотина, к увещаниям глухая...

— Я тебе зелье-то дам...

И открыла туесок дедов.

— Для хряка? — уточнил парень.

Красные пятна сошли, ныне он был бледен, да так, с прозеленью.

— Оно и людям сгодится... по три капли натошак. С седмицу пропьешь и сам увидишь, как оно полегчает. Главное, в первые дня два поблизу отхожего места держися. Потому как глист пойдет...

— Я п-понял...

Пузырек с зельем сам в руку нырнул.

— С-сколько? — парень его в руке широко спрятал. А я покачала головой: зелье-то простенькое. Масло пижмы, семена тыквы, чесночный сок да капля силы. За что ж тут деньгу-то брать?

— А вы, значит, знахарка? — вступил в беседу дедок, до того молчавший.

— Так и есть. — Я важно кивнула.

— Молоды вы больно...

— Бабка учила...

Он пошевелил вялыми губами и поинтересовался:

— А вот у меня спина болит... чего посоветуете?

Я покосилась на парня, который так и застыл, повернувшись к окошку. Правую рукой за шаблечку свою держится. А в левой — кошель худосочный сжимает.

— Так это надобно знать, как болит, — важно ответила я. — Тянет аль ноет? Или стреляет? И куда отдает? В подреберье? Или, может, вниз...

Старик вновь губами пошевелил, но ответил...

Так мы с ним и проговорили к обоюдному удовольствию до самого вечера. А поутру, когда пришла пора возку отправляться, то выяснилось, что давешний парень решил не ехать.

Верно, зелье мое принял.

И правильно, глисты — дело такое... чем раньше спохватиться, тем оно легче повывести будет. Вон, в нашей-то деревне их все гоняют, да по два раза на год, оттого и нету в Барсуках таких заморышей.

ГЛАВА 3,

ГДЕ РЕЧЬ ИДЕТ О СТОЛИЦЕ И АКАДЕМИИ

А столица мне не по нраву прищлась.

Не спорю, город, конечно, большой, аж занадто, да только и какой-то неустроенный. Вот у нас, в Барсуках, пусть дороги и не мощеные, да ровные, чистые, убирают потому как с них и коровьи лепешки, и конские яблоки... и траву мужики по обочинам косят, не ленятся.

Туточки травы не было. Да и как ей быть, когда кругом один камень?

Дымно.

Суматошно. Грязно. Дома в черноте какой-то, в копоти. Воздух спертый, вонючий. Я аж сперва спужалась, что дышать не сумею.

Ничего, задышала.

Только нос платочком прикрыла, потому как шибало смрадом крепко.

На окраинах столицы растянулись мастерские слободки. Тут и кузни стояли, и пекарни, и гончарные мастерские, где будто бы делали посуду особую, легкую да звонкую, да крепости небывалой... тяжелыми черными горбинами вытянулись скотные дворы и бойни, от которых шел особо мерзотный дух, привлекая всех бродячих собак окрест.

О бойнях и мастерских мне рассказал старичок.

Он отодвинул желтую тряпицу, каковая висела тут заместо шторы, и показывал, что одно, что другое... возок уже не летел — полз. И все одно тряслась по горбылю. И тряска эта отзывалась во всем моем теле, а особливо в нижней его, неделикатной части, которую я всю об лавку пооббила...

— А вот там, сударыня Зослава, малый рынок, — старичок именовал меня со всем почтением, видно, пришлось по нраву мазь, по бабкиному старинному рецепту сделанная. И пусть сперва к ней Михайло Егорыч отнесся с немалым подозрением, в пальцах баночку крутил, нюхал, то одной ноздрею, другую пальчиком зажимая, то другой, то обеими... мазь-то пахла хорошо, воском да перепель-травой, которую мы с бабкой на полную луну собирали. Тогда-то трава в самой силе своей, и пахучая, что диво... запах ее и вонь бобровой струи перешибает.

А Михайло Егорыч этот запах шандаловым назвал.

Что ж, мне понравилось... пускай себе шандал, главное, что от спины больной — первейшее средство. Ему, как решился испробовать, разом облегчение вышло.

Вот ныне он и сидел пряменько, руками поясницу не мацал.

— Ежели вам вздумается прогуляться, то будьте осторожны. В последние годы ворья на этом рынке развелось немеряно...

Спутница наша, всю дорогу проспавшая, всхрапнула и во сне губами зачмокала.

— Он невелик, однако по-своему интересен. Порой там крайне занимательные вещицы найти можно, особенно если магического толку. А вот видите белое строение? Это дом часовой гильдии... недавно воздвигли. Иноземцы.

Строенье было солидно, как три общинных амбара, один на другой поставленных. Да с оконцами резными. Да из белого камня, который ажно светился на солнышке.

— На самом деле часовщиков среди них не так и много. В прежние-то времена часы диковинкой были, а ныне их любой имеет.

Сказал, что в душу плюнул.

В столицах-то, может, у каждого встречного оборванца часы за пазухой имеются, а вот у нас, в Барсуках, часы были лишь у старосты да у нас. Старостины — махонькие, серебряные, с крышечкой. На крышечке той — младенчик кучерявый намалеван, да до того хитро, что куда часы ни сдвинь, младенчик энтот на тебя глядит. Вот наши с бабкой часы — дело иное. Их еще мой дед поставил, когда к бабке сватался по человеческому обычаю. Сolidные оне, в дубовом коробе, медведями изрисованном. С циферблатой медной, которую мы дважды в месяц чистим, со стрелочками узорчатыми, с шишечками да прочими кунштюками.

Хорошие часы.

Бабка их страсть до чего любит... бережет... оно и понятно, что памятью они о муже остались.

Но Михайло Егорыч про те часы не знал, а потому и разливался:

— Ныне же они иной точный инструмент готовят. Скажем, компасы аль навигационные махины... или иные какие механизмы. Говорят, что в царском дворце стоит золотой павлин, который всю царскую еду пробует. И если почует отраву, то мигом закричит.

— Так и почует? — в этакое диво я не больно-то поверила.